

Письмо изъ Германіи

(Формы нѣмецкаго совѣтофильства).

Въ томъ, что принято называть нѣмецкимъ совѣтофильствомъ, надо отличать два весьма отличныя другъ отъ друга теченія.

Съ одной стороны, въ Германіи существуетъ чисто политическое стремленіе использовать большевиковъ въ своей борьбѣ за улучшеніе міроваго положенія Германіи. Съ другой, — нѣчто совсѣмъ иное: не то чтобы лишенное всякой заинтересованности, но все же и не политически-корыстное влеченіе къ Совѣтской Россіи.

О первомъ политическомъ, правительственномъ совѣтофильствѣ я не пишу. Это особая, очень большая и очень сложная тема, которой русская эмигрантская пресса посвящала за послѣднее время много вниманія въ связи съ раскрытіемъ лѣвой нѣмецкой общественностью всевозможныхъ связей между рейхсверомъ и большевиками. Скажу только, что сомнѣваться въ реальности этой связи, при наличіи того «непримѣнимаго къ жизни документа», какъ еще недавно называли Версальскій договоръ парижскій профессоръ Эдуардъ Гюйо, весьма трудно. Но дѣло тутъ не въ рейхсверѣ, а въ нѣмецкомъ правительствѣ, въ которое на протяженіи послѣднихъ лѣтъ входили представители и тѣхъ партій, которыя нынѣ разоблачаютъ дѣятельность рейсвера. Думаю, что эти разоблаченія надо прежде всего разсматривать съ точки зрѣнія задачъ и интересовъ внутренней партійной борьбы.

Но все это, повторяю, меня въ предлагаемой статьѣ не занимаетъ. Я хочу попытаться охарактеризовать не правительственное совѣтофильство, которое является неосторожной и легкомысленной попыткой использованія Москвы въ нѣмецкихъ интересахъ, а ту довольно сложную гамму симпатій къ СССР, которой какъ недугомъ болѣетъ нѣмецкое общество.

Вспоминая Берлинъ, я до сихъ поръ удивляюсь той популярности, которую пользовалось все русское среди мелкой и средней буржуазии.

Каждый торговецъ, каждый содержатель гостиницы, мясникъ, шивникъ и парикмахеръ весело привѣтствовали васъ, какъ союзника, и на что-то намекая таинственно заявляли, что «не надо было воевать съ Россіей, что Германіи, объединенная съ Россіей, была бы непобѣдима, ...и что дѣло еще не пропало». Такія рѣчи приходилось выслушивать почти каждый день. Причемъ характерно: чѣмъ стариннѣе гостиница, чѣмъ почтеннѣе фирма, чѣмъ убѣленнѣе сѣдинами вашъ собесѣдникъ, чѣмъ живѣе его память о Бисмаркѣ, тѣмъ горячѣе заприкавочная рѣчь, что надо было помнить завѣтъ желѣзнаго канцлера крѣпко дружить съ Россіей. «Самонадѣянный выскочка Вильгельмъ этого не понималъ — а вотъ Ленинъ, какой онъ тамъ ни на есть, — понималъ и поспѣшилъ заключить миръ съ Германіей». Отсюда, изъ этого фантастическаго воспріятія Ленина, какъ благодѣтеля Германіи и исполнителя завѣтовъ Бисмарка, у доморощенныхъ политиковъ и вырастада навязчивая мечта-надежда о реваншѣ: «русская и нѣмецкая арміи еще соединятся, французы будутъ разбиты. Исторія вернется къ великому 71-му году».

Особую ноту вносили въ это буржуазно-патріотическое и сентиментально-мечтательное сѣтѣфильство тѣ мнѣгіе нѣмецкіе комми-вожеры, монтеры и предприниматели, которые задолго передъ войной вели дѣла съ Россіей.

Почти въ каждомъ дѣловомъ обществѣ, гдѣ приходилось бывать, встрѣчались такіе побывавшіе въ Россіи нѣмцы, которые послѣ перваго же стакана вина съ искреннимъ увлеченіемъ начинали рассказывать о Кремлѣ и спѣшь, о Ярѣ и баняхъ, о широкомъ русскомъ гостепріимствѣ и, главное, о размахѣ русскихъ торговыхъ фирмъ, которыя по старинѣ не признавая контрактовъ, крѣпко держали свое купеческое слово и съ которыхъ можно было «крѣпко нажать».

Съ этимъ торговымъ заграничнымъ человѣкомъ Россія не стѣснялась. Она показывала ему всякія русскія чудеса, но и всякіе русскіе номера. Она ихъ веселила, но она же надъ ними и издѣвалась. Одинъ старый предприниматель большой нѣмецкой фирмы, начавшій торговать съ Москвою еще въ 80-хъ годахъ, съ восторгомъ рассказывалъ мнѣ, что коммерческая Москва его очень любила, но име-

ни его запомнить не могла, а называла просто нѣмцемъ. Что возили его съ вокзала на шалыхъ тройкахъ, каждыи разъ обязательно черезъ Кремль, причеиъ безъ всякихъ разговоровъ снимали съ него шапку въ Спасскихъ воротахъ. Все это ошеломяло нѣмцевъ, но и нравилось имъ: сливалось вмѣстѣ съ колокольнымъ звономъ, пьянымъ угаромъ, цыганскимъ пѣніемъ, и, самое главное, — необычными по европейскимъ масштабамъ доходами въ какую то плѣнительную ширь и въ ожиданіе отъ Россіи совершенно сказочныхъ благъ.

Вотъ эти-то руссофилы и превратились послѣ Брестскаго мира въ горячихъ совѣтофиловъ. Произошло это потому, что они просмотрѣли революцію въ большевицкой революціи: поняли ее, какъ желанныи имъ конецъ войны между Германіей и Россіей; а тѣмъ самымъ и какъ возможность новой, конечно побѣдной, войны съ Франціей и возобновленіе торговыхъ сношеній съ Россіей, которая послѣ войны и революціи будетъ, естественно, особенно нуждаться въ нѣмецкомъ трудѣ и нѣмецкихъ товарахъ.

Въ настоящее время эта фантастическая идеологія мелко-буржуазныхъ круговъ Германіи опредѣленно сходитъ на нѣтъ. Ни о какомъ реваншѣ средняя торговая, трудовая буржуазія больше не мечтаетъ. Старики, помнящіе Бисмарка, и люди, знавшіе ту довоенную Россію, въ которой можно было широко жить и еще шире наживаться, постепенно умолкаютъ. Что Ленинъ дѣлалъ революцію не во славу завѣтовъ Бисмарка, — всѣмъ людямъ, не мудрствующимъ лукаво, вполне ясно. Если въ Германіи есть слои, дѣйствительно ненавидящіе большевиковъ, дѣйствительно вѣрящіе въ реальность совѣтскаго голода и совѣтскихъ тюремъ, такъ это прежде всего широкіе слои средней и мелкой буржуазіи (обыватели). Изъ тѣхъ, что раньше знали Россію и сгоряча обрадовались было заключенію выгоднаго для нѣмцевъ Брестскаго мира, козко побывавъ въ Россіи. Впечатлѣнія ихъ правдивы и ужасны: «Mein Gott, was hat man aus dem schönen Land gemacht!» (Боже, что сдѣлали изъ прекрасной страны).

Надо однако сказать, что это прозрѣніе не распространяется на высшіе промышленно-финансовыя круги, считающіе правильнымъ хотя-бы и безъ прибыли торговать съ Россіей и дѣлающіе «высокою» политику. Среди этихъ круговъ «симпатія» къ Кремлю распространена го-

раздо больше, чѣмъ въ мелкой средне-буржуазной обывательской массѣ. Но эти «симпатіи», конечно, не симпатіи а тѣ, связанныя съ глубокимъ презрѣніемъ не всегда только къ большевикамъ, но иногда и къ Россіи «дальнозоркія» попытки использованія СССР въ своихъ хозяйственныхъ и политическихъ интересахъ, анализъ которыхъ не входитъ въ задачу данного очерка.

Наряду съ буржуазно-шовинистическимъ совѣтофильствомъ во славу Бисмарка, все еще господствуетъ въ Германіи, — постепенно тоже, впрочемъ, слабѣя, — совѣтофильство пролетарски-революціонное, во имя Карла Маркса.

Въ первые годы послѣ русской революціи большевикамъ сочувствовали не только рабочіе коммунисты, но и социаль-демократическія массы. Ленинъ былъ для всѣхъ социалистовъ не только явленіемъ громаднымъ, но и въ послѣднемъ счетѣ и положительнымъ. «Октябрь» воспринимался не какъ измѣна «Февралю», а какъ его новая стадія. Говорить съ нѣмецкими рабочими было трудно. Идея защиты «Февраля» въ формѣ борьбы съ «Октябремъ» была необъяснима. Всякій эмигрантъ ощущался какъ контр-революціонеръ.

Немногимъ благополучнѣе складывались бесѣды съ социаль-демократической интеллигенціей: съ врачами, публицистами, учеными. Я лично помню, во всякомъ случаѣ, много недоразумѣнныхъ бесѣдъ: участіе къ вашей личной, горькой долѣ, смущеніе за ваше близорукое непониманіе смысла историческихъ событій и гордость своимъ свроевропейскимъ всепониманіемъ неизбежнаго хода событій.

Удивляться социалистическому совѣтофильству, которымъ грѣшили не только нѣмецкіе социаль-демократы, но и многіе русскіе меньшевики, не приходится. Оно въ достаточной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что Ленинъ, какъ ни какъ все же ученикъ и притомъ величайшій ученикъ Карла Маркса, что коммунисты и социаль-демократы передъ тѣмъ, какъ разойтись въ разныя стороны, долго шли вмѣстѣ, что они связаны памятью объ общей борьбѣ и общихъ побѣдахъ, единствомъ марксистской доктрины

и политическаго словаря, единствомъ пролетарскаго гимна и краснаго революціоннаго знамени.

И правда, сейчасъ между нѣмецкой социаль-демократіей и нѣмецкимъ коммунизмомъ идетъ ожесточенная борьба. Социаль-демократія представляетъ собою, быть можетъ, самую значительную антибольшевицкую силу Германіи. Недаромъ нѣмецкій націоналистъ профессоръ русской исторіи, Otto Hoetsch еще недавно говорилъ, что народно-консервативная партія (гр. Вестарпа и Тревирануса) «отклоняетъ антисовѣтскую пропаганду социаль-демократіи и государственной партіи, какъ одностороннюю и недѣловую».

Какъ ни показательна, однако, для политическаго положенія вещей въ Германіи эта націоналистическая защита Москвы отъ нападокъ социаль-демократіи, нельзя забывать, что споръ коммунистовъ съ социаль-демократіей въ нѣкоторомъ смыслѣ все-же споръ «славянъ между собою», т. е. споръ изъ-за теоретическаго дѣлежа единого духовнаго наслѣдства «Коммунистическаго манифеста», объ однихъ и тѣхъ же вопросахъ революціонной діалектики и финальнаго внѣклассоваго состоянія человѣческаго общества. Споры родственниковъ могутъ быть очень злы, но въ нихъ всегда остается нѣкая ирраціональная возможность неожиданнаго примиренія.

Думаю, что если бы, напримѣръ, въ Россіи намѣтилось сильное, антипролетарское, крестьянское движеніе, а Москва по тѣмъ или инымъ причинамъ прекратила-бы финансированіе нѣмецкой компартіи, что привело-бы къ очищенію ея рядовъ, то объ марксистскія партіи, особенно въ случаѣ объединенія буржуазно-націоналистическихъ силъ въ самой Германіи, быстро-бы приблизились другъ къ другу и объ стали-бы на защиту краснаго Кремля, какъ памятника Карлу Марксу. Русская лѣвая эмигрантская пресса, справедливо подчеркивая тактическое объединеніе коммунистическихъ и національ-соціалистическихъ силъ, мало чувствуетъ идейное сродство социалистовъ и коммунистовъ. Мало чувствуетъ то, что нѣмецкая коммунистическая партія — это не только московскія деньги, но и идеи такихъ глубокихъ и чистыхъ социалистовъ, какъ коммунистовъ Розы Люксембургъ, Карла Либкнехта и др.

Впрочемъ, даже и въ разгаръ предвыборной борьбы социаль-демократическіе плакаты призывали къ борьбѣ

противъ буржуазнаго блока и націоналистовъ, умалчивая о коммунистахъ.

Для выясненія скрытаго совѣтофильства социаль-демократіи достаточно простого перенесенія разговора о большевикахъ изъ сферы хозяйственно-политической въ сферу культурно-философскую и въ особенности въ духовно-религіозную. При проявленіи вами малѣйшей скорби по поводу гибели старой Россіи (старой Россіи, не самодержавія), вы сейчасъ же почувствуете отклоненіе стрѣлки социалистическихъ симпатій въ сторону большевизма. Сейчасъ же почувствуете, что, отрицая большевистскіе политическіе методы и темпы, нѣмецкій рядовой социаль-демократъ европейски-передовой, научно марксистскій духъ большевизма все же опредѣленно предпочитаетъ «самодержавно-крѣпостническому и православно-византійскому «смерду» Россіи, о которой онъ обыкновенно имѣетъ хотя и весьма смутное, но все же и весьма опредѣленное представленіе.

Вся недостаточность и ложность социалистическаго отрицанія большевизма заключается въ томъ, что подлиннымъ предметомъ этого отрицанія является не большевизмъ, какъ таковой, а его сходство со старой Россіей. Въ концѣ концовъ Сталинъ для нѣмецкихъ социалистовъ только тѣмъ и нехорошъ, что онъ похожъ на Грознаго. Въ чемъ они, съ полнымъ, впрочемъ, на то основаніемъ, винятъ не столько Сталина, сколько Грознаго. Года два тому назадъ я видѣлъ на сценѣ очень талантливаго и умнаго актера Кортнера въ роли Павла I-го. Онъ игралъ вѣроятно по сознательному замыслу не столько несчастнаго и безумнаго императора, сколько самую Россію. Одѣтъ былъ Павелъ въ шаровары и шелковую рубашку. Межъ ногами болтался на толстомъ шнуркѣ довольно большой образъ. За поясомъ былъ заткнутъ кнутъ. Выраженіе лица было двупланно: на первомъ планѣ звѣрскій идиотъ, на второмъ идиотъ.... Достоевскаго.

Образъ этотъ не случаенъ. Такою видятъ Россію очень многіе нѣмцы и прежде всего нѣмецкіе социалистическіе круги. Итакъ, съ одной стороны нѣмецкая социаль-демократія представляетъ собою весьма значительную политическую величину въ борьбѣ Германіи противъ большевиковъ, а съ другой, психологическую среду, въ которой развивается своеобразное міросозерцательное совѣтофиль-

ство, враждебное не только павшему царизму, но и величайшимъ духовнымъ цѣнностямъ прежней Россіи.

Гораздо хуже и прежде всего для насъ, русскихъ, гораздо оскорбительнѣе та третья форма нѣмецкаго совѣтофильства, которую я назвалъ бы формою совѣтофильства с н о б и с т и ч е с к а г о. Его въ Германіи очень много, и, главное, оно неискоренимо, такъ какъ держится на неоспоримой истинѣ, что «все, что происходитъ въ Россіи, весьма интересно».

Коммунистамъ, утверждающимъ, что въ Россіи «пролетарскій рай», можно, поскольку имѣешь дѣло съ людьми пытливыми и честными, съ карандашомъ въ рукахъ доказать обратное.

Людямъ, считающимъ, какъ социаль-демократы, что всѣ недостатки коммунистическаго режима суть наслѣдственные болѣзни самодержавія, можно при затратѣ очень большой энергіи объяснить, что дѣло обстоитъ не такъ просто, что въ большевизмѣ есть свои пороки и свои болѣзни.

Съ людьми же, которые ничего не утверждаютъ кромѣ того, что для нихъ «непереносима скука матеріалистической Европы», что имъ «безконечно интересно все, происходящее на востокѣ», а потому заманчива и Россія, «спасающая развѣрами своихъ небывалыхъ событій духовную реальность европейскаго бытія», - - ничего не сдѣлаешь. Своеобразной истины ихъ ощущенія не опровергнешь, такъ какъ безусловно вѣрно, что черезъ Россію, а не Францію и не Германію проходитъ сейчасъ главная тема Исторіи. Величайшей же и преступной ошибки ихъ отношенія къ Россіи имъ не объяснишь; они не понимаютъ, что нельзя со скуки интересоваться казнями, отъ европейскаго рационализма дѣлится подкожными вспрыскиваниями русскаго безумія и, пребывая въ атмосферѣ пока еще дряннаго европейскаго благополучія, рукоплескать героямъ-лицедѣямъ міровой трагедіи. Они не понимаютъ главнаго, — что на созерцаніе безумнаго и скорбнаго величія нынѣшней Россіи имѣютъ право только тѣ, кто это величіе не только созерцаютъ, но мучаются имъ, чувствуютъ свою отвѣтственность за него. Не понимаютъ они этого потому, что принадлежать къ цвѣту (къ счастью, начинающему осыпаться), тѣхъ культурныхъ людей Запада, для которыхъ категорія «грѣха» и отвѣтственности въ общественно политическихъ событіяхъ непримѣнима,

для которыхъ самое глубокое отношеніе къ историческимъ явленіямъ есть отношеніе объективное, т. е. стоящее «по ту сторону добра и зла» и для которыхъ новое и небывалое всегда правѣе бывшаго и стараго. Объ это эстетическое любованіе сверхморальной сущностью великаго историческаго процесса разбиваются всѣ ваши попытки объяснить передовой интеллигенціи Берлина и Франкфурта то, что происходитъ въ Россіи.

Иногда, впрочемъ, особо любезные представители этихъ круговъ снисходятъ къ вашему «религиозно-метафизическому методу мышленія», къ вашей непримѣнимой «къ исторически неизбѣжнымъ процессамъ реакціонной терминологіи» и предлагаютъ вамъ смотрѣть на все происходящее въ Россіи не съ узко человѣческой и потому всегда партійной точки зрѣнія, а съ высоты Божьяго взгляда на міръ, для котораго — какъ впрочемъ и для науки — уже по одному тому не можетъ быть «слишкомъ человѣческой» (Ницше) разницы между добромъ и зломъ (большевиками и ихъ жертвами), что и добро и зло одинаково создано Богомъ. Тутъ разговору приходитъ конецъ, ибо нельзя объяснить людямъ, для которыхъ Богъ есть «методъ реакціоннаго мышленія», что безрелигіозное созерцаніе міра съ высоты Божьяго взора на міръ — есть самый кратчайшій путь къ самой простой человѣческой подлости.

Такова въ общихъ и краткихъ чертахъ философская основа снобистическаго совѣтофильства Германіи. Но дѣло, конечно, не въ ней; дѣло въ томъ, что совѣтофильствующимъ снобамъ «безконечно и н т е р е с н о» (unendlich interessant) все происходящее въ Советской Россіи. Природа этой заинтересованности сложна и не легко выяснима. Въ основѣ ея лежитъ, какъ мнѣ кажется, своеобразная утрата европейскаго патріотизма, утомленность и наскученность Европой, въ особенности своею Германіей, странная жажда вѣзрительныхъ и эмоціональных путешествій ...въ какую нибудь даль.

На почвѣ этихъ настроеній и появилась въ Германіи новая порода людей, съ какимъ то злорадствомъ считающая карту европейской и прежде всего нѣмецкой культуры битой. Для нихъ Гете, какъ мыслитель — всего только геніально-грандіозный мѣшанинъ. Лютеръ, если и великъ, то только какъ величайшій католикъ своего времени. Вагнеръ непереносимъ, какъ безвкусно лживый бутафоръ.

Его ученикъ Брукнеръ нестерпимъ, какъ слишкомъ типичный нѣмецъ. «Wagner und Bruckner sind mir zu bosch» признался мнѣ однажды такой типично «новый» нѣмецъ. Нечего говорить, что эти люди не переносятъ «политическаго краснорѣчія безвкуснаго Шиллера» и «рнемованнаго глубокомыслия Геббеля и Клейста». Они вообще не переносятъ нѣмецкаго глубокомыслия: у нихъ отъ этого «портятся желудки». На почвѣ такого отрицанія своего и стараго у этихъ людей вырастаетъ какая-то снобистическая тяга ко всему новому и экзотическому, и прежде всего почему-то къ Совѣтской Россіи. Разговоръ о ней очень моденъ: причемъ, какъ за правило, можно считать, что если васъ приглашаютъ въ высококультурный домъ, хозяева котораго живо интересуются вопросами политики, философіи и искусства, да къ тому же еще и во фракъ, то разговоры о Россіи и сочувствія большевикамъ будутъ особенно много и всѣ ваши аргументы будутъ биты.

Если вы скажете, что въ Россіи голодъ, то вамъ сначала не повѣрятъ и сошлются на продающихся въ Германіи русскихъ гусей по маркъ за фунтъ (нѣмецкіе — 1 марка 60 пфениговъ), за Кавказское вино по 1 м. 90 за бутылку, на громадныя запасы зерна, доставляемые на нѣмецкія мельницы...

Если вы выясните, что это ничего не доказываетъ, что большевики по цѣлому ряду политическихъ и финансовыхъ соображеній вывозятъ не излишки, а насущности, то вамъ возразятъ, что, во-первыхъ, Россія голодала и при царяхъ, что завтра будетъ голодать вся Европа и что въ русскомъ голодѣ виноваты не столько большевики, сколько антибольшевицкая Европа.

Если махнувъ рукой на экономику, вы перенесете разговоръ въ сферу политическую и постараетесь вскрыть весь ужасъ большевицкаго порабощенія русскаго народа, — вамъ бойко отвѣтятъ, что лучше рабство во имя идей, чѣмъ свобода отрицанія всякихъ идей; что Западъ оттого и гибнетъ, что у него нѣтъ ни одной живой политической мысли. Къ этому размышленію обязательно присоединяется восхваленіе гениальной дальневосточной политики большевиковъ (это особо излюбленная тема) и послѣдній заводъ граммофона: «нѣтъ, вы послушайте, какъ изумительна китайская музыка. Я совѣмъ не переносю больше нашихъ концертныхъ программъ...»

За китайскими пойдутъ японскія, малайскія, негрскія и всякія иныя, — лишь бы только не европейскія пластинки, — подъ экзотическій стонъ, вой и щебетъ которымъ обязательно вспыхнетъ гдѣ-нибудь въ углу глубокомысленный разговоръ, въ которомъ докторъ философіи со ссылками на «христіанскаго гностика» Бердяева будетъ доказывать, что винить за ужасы религіознаго фронта большевиковъ совершенно невозможно, ибо еще Достоевскій пророчествовалъ о томъ, что Россія способна во имя одной только дерзости расстрѣливать свои святыни. При этомъ докторъ философіи непременно расскажетъ о выстрѣлѣ въ причастіе въ «Дневникѣ писателя».

На минуту и на поверхностный взглядъ такія рѣчи могутъ иногда прозвучать подлиннымъ пониманіемъ Россіи, котораго въ Германіи больше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, но тѣ снобистическіе круги, о которыхъ я пишу, не были бы похожи на мое описаніе, если бы они дѣйствительно понимали что-нибудь въ Достоевскомъ.

Въ своей совѣтофильской лѣвизнѣ они, однако, такъ же мало понимаютъ въ Достоевскомъ, какъ діалектическіе марксисты въ конкретномъ Духѣ Гегеля. У нихъ Достоевскій прекрасно уживается съ Калининковымъ, на талантливый, но гнусный романъ котораго «женщины и монахи» въ описываемыхъ кругахъ Германіи была одно время почти что мода. Надо сказать, что въ этихъ кругахъ вообще хорошо знаютъ совѣтскую литературу (Леонова, Гладкова, Эренбурга, Федина, Катаева) и поголовно увлечены русской кинематографіей. Эйзенштейнъ представляется самымъ настоящимъ гениемъ и изумительный «Potemkin-film» — явленіемъ вполне достаточнымъ для оправданія стрѣльбы крейсера Аврора по Зимнему дворцу. Вообще лѣвое совѣтское искусство въ очень большомъ почетѣ. Совѣтофильствующие эстеты очень высоко ставятъ, напр., художника Лисицкаго, творца ряда совѣтскихъ выставочныхъ павильоновъ *). По ихъ мнѣнію «отвлеченно-математическій динамизмъ этого изумительнаго декоратора» представляетъ собою такую точную фор-

*) Въ связи съ этимъ интересно отмѣтить, что самый большой ударъ СССР, нанесенъ въ послѣднее время совѣтскія картинныя выставки (особенно послѣдняя, бертинская), показавшія, что совѣтская живопись, очевидно, по приказу сверху возвращается къ своеобразному революціонному неподвижничеству, къ иллюстрированному каталогу «нашихъ достиженій».

му «плакатно-агитаціонной сущности отвлеченно исчисленной пятимѣтки», что всѣ нападки на нее становятся просто напросто неинтереснымъ безпредметнымъ злобствованиемъ. «Гдѣ, кромѣ Россіи, господствуетъ экономическая мысль, способная быть выраженной въ системѣ строгихъ художественныхъ формъ? — Нигдѣ; — это ли не доказательство глубокой правды колхознаго строительства?»

Я, конечно, сгущаю краски въ томъ смыслѣ, что сношу въ одну статью настроенія, мысли и характерныя фразы, воспринятія и услышанныя мною на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Но я ничего не преувеличиваю и ничего не заостряю. Мое описаніе эстетически-снобистическихъ круговъ совѣтофильствующей Германіи ни въ какой мѣрѣ и степени не карриатура, а самая обыкновенная фотографія.

Хотя круги эти политически не играютъ почти никакой роли, ихъ роль въ сближеніи Германіи съ Совѣтской Россіей все же велика. Они занимаютъ первые ряды въ театрѣ Пискатора, они создаютъ художественный и главнымъ образомъ политическій успѣхъ Мейерхольду, они бывають на дипломатическихъ раутахъ въ полпредствѣ, изъ нихъ составляется избранная публика на открытіяхъ совѣтскихъ выставочныхъ навильоновъ, они славятъ и рецензируютъ совѣтскіе фильмы, совѣтскую беллетристику, совѣтскую науку (при чемъ славятъ все это какъ совѣтское творчество, а не какъ русское). Они не читають Панаіотъ-Истрати, Бесѣдовскаго, находя, что эти злостные враги Россіи — скверные писатели; они же увлекаются автобіографіей Троцкаго, утверждая, что она написана не хуже, чѣмъ «Дѣтство и отрочество» Толстого *). Они, сидя въ редакціяхъ издательствъ, борются противъ переводовъ эмигрантской беллетристики и злостныхъ эмигрантскихъ статей о большевизмѣ, они состоять членами общества «Друзей новой Россіи», они ѣздятъ въ составѣ совѣтскихъ экскурсій на шесть недѣль въ Петербургъ и Москву, смотрятъ Петропавловку, Кремль и распространяють по пріѣздѣ слухъ о замѣчательной странѣ СССР.

Дѣлають они все это, конечно, не за страхъ, а за совесть. Причемъ, какъ это ни странно, снобистическая со-

*) Справедливость требуетъ отмѣтить, что автографія Троцкаго написана мѣстами дѣйствительно превосходно

вѣсть въ своемъ скрытомъ внутреннемъ позерствѣ доходить иногда до проявленій граничащихъ почти что съ героизмомъ. Одна очень богатая молодая женщина зашла въ своемъ совѣтофильствѣ такъ далеко, что по возвращеніи изъ Россіи поступила простою работницею на фабрику.

Таковы формы эстетически-снобистическаго совѣтофильства Германіи. Моя характеристика этого явленія была бы неполна, если бы я не указалъ на то, что носителями этой формы совѣтофильства являются, въ первую очередь во всякомъ случаѣ, люди опредѣленно лѣвые. Правда, не столько въ политическомъ, сколько въ культурно-міросозерцательномъ смыслѣ этого слова. Объясняется это тѣмъ, что отрывъ отъ духовной почвы Европы неизбежно сдвигаетъ всякаго беспочвеннаго человѣка влѣво, т. е. въ ту сторону, въ которую опредѣленно накренилъ весь европейскій міръ.

Характернѣйшее доказательство этой истины представляетъ собою тотъ парадоксальнѣйшій фактъ нѣмецкой политической жизни, что религіозно совершенно, конечно, беспочвенный христіански-монархическій націонализмъ обновляется нынѣ (въ національ-соціализмѣ) путемъ прививки къ своему сгнившему стволу молодого коммунистическаго ростка.

Наряду съ охарактеризованнымъ совѣтофильствомъ опустошенныхъ душъ, все знающихъ, все понимающихъ, ничему не вѣрящихъ и себѣ надоѣвшихъ, всегда защищающихъ правду всякаго крайняго мнѣнія и великое значеніе рекордной цифры, хотя бы и цифры разстрѣлянныхъ большевиками кулаковъ, существуетъ въ Германіи еще одна форма совѣтофильства, очень страннаго и по своему очень глубокаго.

Я назвалъ бы его совѣтофильствомъ религіознымъ.

Проблема этого религіознаго (причемъ типично-протестантскаго, въ католичествѣ оно немыслимо), совѣтофильства очень сложна и глубока, и я могу въ общей статьѣ ее лишь приблизительно намѣтить и бѣгло очертить.

Чтобы объяснить, какъ протестантскія души, да еще души богослововъ и пасторовъ, доходятъ до утверженій,

что «коммунистическая партія представляет собою вѣроятно единственную живую христіанскую секту въ современности», надо было бы проанализировать то трагическое положеніе, въ которомъ находится сейчасъ нѣмецкій протестантизмъ. Насколько я вижу, сущность этой потрясающей и многими протестантскими богословами нынѣ вполне осознанной трагедіи заключается съ одной стороны въ утратѣ опыта религіозно-соборной (церковной) жизни, а съ другой (конечно, связанной съ первой), въ утратѣ всякаго, опредѣленнаго ощущенія подлинно-религіознаго содержанія жизни и вѣры. Внѣцерковное, вполне свѣтское, профессорское богословіе расхитило въ Германіи живую субстанцію христіанской вѣры и превратило религію въ нѣкую специфическую структуру души (въ религіозность) а церковь въ нѣкую специфическую общину (Gemeinschaft) религіозно структурированныхъ душъ.

Благодаря такому обезпредмеченію, т. е. въ сущности обезбоженію и расцерковленію религіозной жизни создавалась своеобразная возможность внѣцерковныхъ соединеній вольноотпущенной религіозности съ самими разнообразными богами, въ сущности съ идолами.

Нѣмецкіе пасторы вильгельмовской эпохи были психологически, т. е. по своему душевному складу, въ большинствѣ случаевъ, людьми безусловно религіозными, но высшею доступною имъ формой духовно-коллективной жизни, была для нихъ прежде всего жизнь національная. Это значить, что родина (Vaterland) занимала въ ихъ душахъ мѣсто церкви.

Этимъ и объясняется, почему старорежимный пасторъ, многое отрицая въ католицизмѣ, ненавидѣлъ въ немъ лишь его интернационализмъ. Для него этотъ интернационализмъ былъ явленіемъ исключительно политическимъ, какъ и интернационализмъ социаль-демократіи. Католикъ и социаль-демократъ представлялись ему одинаково безбожными измѣнниками Родины.

Этотъ протестантскій націонализмъ - явленіе совсѣмъ другого порядка, чѣмъ, напримеръ, черносотенство иныхъ православныхъ священниковъ. Православные черносотенцы могли кричать: «бей жидовъ», но имъ никогда не пришло бы въ голову доказывать, что если бы Христосъ не былъ славяниномъ, то Россія не могла бы быть православной. Нѣмецкіе же расисты только потому и продолжаютъ

считать себя христианами, что Иисусъ Христосъ былъ по ихъ мнѣнію голубоглазымъ арійцемъ.

Господство націоналистическихъ теченій въ довоенномъ протестантизмѣ оставило Германіи страшное наследіе: полную отчужденность отъ церкви пролетаріата и націоналистическую «религію» національ-соціалистовъ, выросшую частично внутри протестантской церкви.

Революція, многое измѣнившая въ Германіи, создала въ противовѣсъ старому нѣмецкому пастору-націоналисту новый типъ пастора-соціалиста. Но въ этомъ новомъ типѣ зачастую явно присутствуютъ старыя черты и старыя недостатки. Если въ душѣ придворнаго проповѣдника мѣсто церкви занимала родина, то въ душѣ соціалистическаго пастора лѣваго толка мѣсто церкви занимаетъ организованный пролетаріатъ.

Сліяніе съ нимъ въ его страданіяхъ и борьбѣ является, по мнѣнію священнослужителей этой новой формации, высшею религіозною задачею современности.

Конечно, содержаніе пролетарской вѣры (марксизмъ) и по ихъ мнѣнію очень далеко отъ христианства, но вѣдь въ религіи важно не метафизическое содержаніе вѣры (Gehalt), а вѣра, какъ опредѣленное качество сознанія (Haltung): религія = религіозность. По своему же качеству коммунистическое сознаніе, конечно, религіознѣе соціаль-демократическаго. Такъ расцерковленіе вѣры приводитъ нѣмецкаго пастора соціалиста къ ощущенію коммунизма, какъ единственно живой христианской секты.

Конечно, это только очень грубая схема и психологически и теологически очень сложнаго пути.

Въ основѣ неопасторской психологіи лежитъ, какъ мнѣ кажется, съ одной стороны стыдъ за довоенный религіозный націонализмъ и жажда приспособить христианство къ требованіямъ пролетарской аудиторіи, а съ другой — желаніе связать свою индивидуалистически безсильную и угасающую вѣру съ какимъ нибудь мощнымъ коллективнымъ движеніемъ. Съ одной стороны, значить, — желаніе христианизации коммунизма, а съ другой — социализации христианства. Сліяніе этихъ двухъ желаній въ одно ставитъ вопросъ объ общемъ знаменателѣ между христианствомъ и коммунизмомъ, прежде всего большевизмомъ. Въ качествѣ такового и выдвигается общее обоимъ движеніямъ стремленіе къ непріятію и отрицанію всей ставшей лжи во имя становящейся истины, сгораніе души въ

огнь очищающемъ, взысканіе Града невидимаго, т. е. типичное для религіознаго совѣтофильства становленіе подъ знакъ вопроса (in Frage-Stellen) всѣхъ сказанныхъ и сказуемыхъ словъ міра во имя его несказуемаго смысла; сліянія мистики негативнаго богословія *) съ теоріей «перманентной революціи» Троцкаго **).

Своего парадоксальнаго заостренія эта теорія (не всегда высказываемая религіозными защитниками Москвы, но всегда присутствующая въ ихъ размышленіяхъ) достигаетъ въ мысли, что радикализмъ религіознаго отрицанія всѣхъ уже осуществленныхъ формъ культуры требуетъ своего распространенія и на обусловленную (какъ въ своемъ появленіи, такъ и въ своемъ развитіи) опредѣленными культурными моментами христіанскую форму религіи. Подлинная религіозность должна, такимъ образомъ, отрицать всѣ бытовыя формы исторически сложившагося христіанства. Отсюда только одинъ шагъ до религіознаго оправданія большевицкой борьбы противъ православной Церкви.

Интереснѣе всего то, что вся эта философія исторіи заимствуется радикальными протестантскими богословами, какъ единственно возможная въ социалистическомъ XX-мъ вѣкѣ защита Христіанства.

На поставленный мною однажды въ горячемъ спорѣ вопросъ, не сводима ли вся эта теорія къ утвержденію временности и преходящности связи между мистическимъ - вѣчнымъ Христомъ и исторически - случайнымъ Исусомъ, который въ данный моментъ уступаетъ свое мѣсто Ленину, мой собесѣдникъ положительнаго отвѣта не далъ: очевидно, мой выводъ показался ему уже слишкомъ парадоксальнымъ. Но продолженіе разговора показало мнѣ, что я былъ въ сущности правъ. Рѣчь зашла о напечатанной въ «Современныхъ Запискахъ» статьѣ В. Ф. Булгакова «Какъ умирали за вѣру». Я рассказала содержаніе и особенно подробно остановилась на разстрѣлѣ красноармейцами крестьянъ, которые умирали съ молит-

*) Подъ негативнымъ Богословіемъ понимается систематическое ученіе, по которому Богъ можетъ быть охарактеризованъ исключительно только чрезъ отрицаніе всѣхъ возможныхъ о немъ высказываній

**) Религіозная несостоятельность этой концепціи очевидна. Для ея опроверженія достаточно просто указать на то, что смыслъ христіанства не только въ безконечности человѣческаго вопрошанія, но и въ окончательности Божьяго отвѣта на всѣ вопросы

вою за своихъ мучителей. И вотъ тутъ то все и выяснилось до конца. Съ большою искренностью, потрясенный разсказомъ мой собесѣдникъ высказалъ неожиданную для меня мысль, что живымъ религіознымъ чувствомъ были исполнены, по его мнѣнію, все-же красноармейцы, разстрѣливаемые же и молящіеся защищали своею смертью условныя формы мертвой религіозности: «демоническо», какъ онъ выразился, т. е. въ сущности идолопоклонческое православіе.

Дальше анализировать религіозную форму нѣмецкаго совѣтофильства не приходится. Все дальнѣйшее становится понятнымъ само собою. Живѣйшее сочувствіе совѣтской педагогикѣ (превращеніе Кости Рябцова въ положительный типъ, подобно которому нѣтъ во всей Европѣ), величайшій интересъ къ новой русской этикѣ (Коллонтай!), увлеченіе освободительной работой большевиковъ въ Индіи и Китаѣ, чувство своей духовной немощи передъ лицомъ религіознаго горѣнія большевизма, превращеніе Ленина въ великаго пророка будущаго и глубокое недовѣріе къ эмигрантскимъ мыслителямъ, видящимъ въ большевизмѣ не положительную религіозную силу, а великій русскій грѣхъ, — такова послѣдняя форма господствующаго въ Германіи совѣтофильства.

Какъ ни удручающе для насъ, русскихъ, все это сложное, умное, а отчасти даже и глубокомысленное непониманіе природы большевизма, въ этомъ непониманіи есть все же и нѣчто утѣшительное: очень большой интересъ къ Россіи. Миѣ думается, что на почвѣ этого интереса и возможна и необходима упорная работа эмиграціи надъ выясненіемъ подлинной сущности всего происходящаго въ Россіи. Въ Германіи есть силы, на которыя въ этой работѣ можно опереться.

Николай Лугановъ.